

мнение

Татьяна Воеводина

Тоталитаризм, великий и ужасный

стр 2

реформы

пишет sha-julin

О платной медицине или 70 к 1

стр 8

Точка ру

№10
(46)
2010

ПОНЯТЬ ПРОШЛОЕ, ОСМЫСЛИТЬ НАСТОЯЩЕЕ, ПЛАНИРОВАТЬ БУДУЩЕЕ ...

анализ ситуации

Сергей Кара-Мурза

Засуха 2010 – третий экзамен

Последние три года каждым летом нам свыше посылают испытание, из которого мы должны извлечь урок. Экзамен строгий: по нашим ответам там судят, готовы ли мы подтвердить право на «аттестат зрелости», чтобы быть хозяевами независимой и благополучной России. Пока что мы отвечаем неудовлетворительно. А сколько раз нам позволят пересдавать

этот экзамен – неизвестно. В августе 2008 г. Россия погрузилась в кризис. Власть и «элита» должны были ответить на вопрос, что это такое. Они ответили: «Кризис подобен стихии. Его, как и природное бедствие, предотвратить невозможно». Садитесь, двойка! Кризис не подобен стихии, это рукотворное явление. Его устраивают, чтобы обобрать

падких на соблазны лентяев и простофиль. Реформаторы соблазнили российское общество «брать от жизни всё – здесь и сейчас» (то есть жить в долг) – и рухнули все защиты от кризиса, выстроенные отцами и дедами. Вы называете кризис стихийным явлением, чтобы оправдать свои дела, которые оборачиваются социальным бедствием.

стр 4

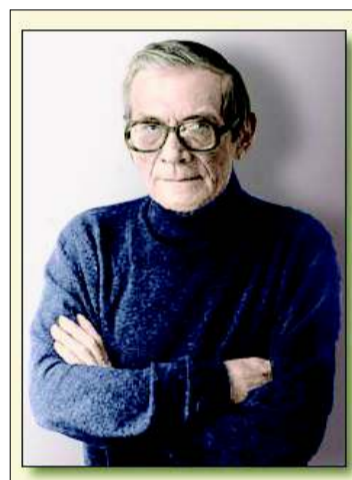
памяти великого мыслителя

К 80-летию со дня рождения Вадима Кожина

Давший посох в тумане

Люди, вспоминающие сегодня ушедшего от нас В. В. Кожина, не образуют сообщества единомышленников. Они близки к эпицентру подспудно горящего в России идейного конфликта и занимают разные позиции в определении сути России, ее исторической судьбы и ее дальнейшего пути. И раз уж образ В. В. Кожина с его горячей мыслью всем им близок и дорог, это значит, что в этом образе и в этой мысли — нервный центр нашего противостояния, соединение несовместимого.

стр 6

экономика

Михаил Хазин, Олег Гигорьев

Проблема рисков в современной экономике

В условиях мирового финансово-экономического кризиса тема устойчивости финансового сектора и снижения свойственных ему рисков стала центральной в обсуждениях новой посткризисной архитектуры мировой экономики, оттеснив все остальные аспекты экономической модели на периферию научных обсуждений и политических дискуссий.

стр 3

три революции

Дмитрий Лысков

Перманентная революция и мировая революция

Глава 6. Ленин пошел, казалось, на немислимое: в силу особой специфики развития России движущей силой революции он объявил пролетариат – «единственный до конца революционный класс». Саму революцию он объявил не «буржуазной», а «народной»: «Исход революции зависит

от того, сыграет ли рабочий класс роль пособника буржуазии, могучего по силе своего натиска на самодержавие, но бессильного политически, или роль руководителя народной революции». Чтобы понять новаторство идеи, следует вспомнить, что ранее марксисты принципиально перешли к

научному определению общественных сил, выраженному в экономически обусловленном делении общества на классы. Ленин совершил «обратную революцию», вернувшись к экзистенциальному понятию «народ» при характеристике специфики русской революции.

стр 7

Татьяна Воеводина

Тоталитаризм, великий и ужасный

Недавно в газете «Точка.ру» была опубликована интересная статья о тоталитаризме. Я считаю, ее автор прав: понятие тоталитаризма в современном мире – чисто пропагандистское. Оно разработано и обкатано в процессе идеологической войны против Советского Союза. Идеологическая борьба против СССР превратила тоталитаризм в жупел, которого полагается бояться и который надлежит ненавидеть. За этим словом тянется шлейф резко отрицательных ассоциаций (по-научному – коннотаций), поэтому люди, положительно настроенные по отношению к Советскому Союзу и социализму, по привычке оправдываются: не было – ну честное слово! – не было у нас никакого тоталитаризма. Но оправдываться – вещь вообще бесперспективная, особенно, когда речь идет о пропаганде, но это другой вопрос.

Важно, что все привыкли считать тоталитаризм непрекращаемым злом.

И совершенно напрасно: тоталитаризм – вещь хорошая и полезная. Крайне желательная вещь.

Прежде всего, что это такое? Ответ очень прост: тоталитаризм – это политический режим, при котором государство руководит всеми существенными сторонами жизни общества. Очевидно, что вообще всеми сторонами жизни руководить невозможно: этого не удаётся даже маме трёхлетнего ребёнка: малыш сам решает, играть в мяч или в песок, надеть красные трусы или синие. И государство, и родители руководят только теми аспектами, которые считают важными.

Широко известными примерами тоталитарных государств были древнегреческие полисы, в том числе и те, которые управлялись демократически. Граждан там попросту и с прямой, свойственной седой старине, «учили жить». Вы почитайте, почитайте Аристотеля – «Политику» и «Афинскую политику», только не в пересказе, не в хрестоматии, а в натуре. Рассуждая о государственном устройстве, Аристотель доходит до быта: когда жениться гражданам, чему учить и даже как закалывать детей. И правильно, что доходит! Жизнь среднего, да и вообще любого человека протекает в быту, в семейной повседневности. Какова повседневность – таков и человек.

А что, скажите, пожалуйста, дурного в том, чтобы государство прямо и определённо высказалось, какое поведение граждан оно поощряет, какое – не поощряет, но терпит, а какое – считает постыдным и нетерпимым?

Например: мы поощряем почтенную мать семейства, одиночку – терпим, но не хвалим, а проститутку – презираем и изгоняем из достойного общества.

Что дурного в том, что государство прямо говорит молодой девушке: Родина ждёт от тебя троих детей. Двое – это минимум. Это почётно, это прекрасно, это поощряется материально и прославляется всей силой тотальной пропаганды. Так что же в этом плохого? По крайней мере, каждому будет понятно, «что такое хорошо и что такое плохо». А если той же молодой девушке в одно ухо бубнят о счастье материнства, а в другое закачивают мировоззрение успешной кокетки (оно в настоящее время превалирует в обществе) – что ей, бедолаге, думать и как себя вести на практике?

Каждый, кто воспитывал детей, знает: ребята любят ясные и твёрдые правила. Противятся ясным и твёрдым установкам, правилам игры, но на самом деле любят их. Им так удобнее – знать, как надо, как положено. Даже нарушая, они знают, от чего отклоняются и как на самом деле требовалось поступить.

Абсолютно то же самое происходит и с подростками детьми, превратившимися в граждан и электорат.

Они тоже любят ясные и внятно изложенные правила поведения. Да, нарушают, да, кричат и ноют, но знать «как жить» им очень желательно. Простому среднему человеку неподъёмно и даже невыносимо изобретать, как ему жить, что думать по какому поводу, как поступать в каком случае, кто хороший, кто плохой, кто герой нашего времени, а кто – враг народа.

Он, собственно, и не думает. Народ, не имея внятно выраженных правил поведения, массовым порядком выбирает худшие из возможных моделей. Попросту говоря, разбалтывается и превращается в люмпенизированное стадо. Вместо «спущенного сверху» мировоззрения, у него в голове булькает и пузырится адская смесь из рекламы, ментовских сериалов, гламурных журналов о жизни звёзд и наставлений собственной бабушки. Скорее всего, именно это и требовалось провозвестникам гласности, открытости и плюрализма.

Мне искренне жаль сегодняшнюю молодёжь: в условиях столь любимого Горбачёвым плюрализма, либерализма и всевозможной свободы самовыражения она, молодёжь, находится в совершенной нравственной и умственной раскоряке: с разных сторон ей твердят взаимно противоположные вещи. Её естественная реакция: «А пошли вы все на...!» Естественная, физиологическая реакция организма на противоречащие друг другу раздражители – тупая апатия.

Я не питаю особой симпатии к «бабке», но все, знающие Белоруссию, в один голос говорят, что детей

там воспитывать гораздо легче и сами они не такие отвязные, как у нас. Объяснение простое: там даются ясные правила поведения. Это и есть тоталитаризм.

В чём ещё принято обвинять тоталитаризм? Он вмешивается в личную жизнь граждан, нарушает пресловутое «privacy».

Ну, уж в деле вмешательства в личную жизнь сколько-нибудь заметных персон посредством её детального описания даже самый жестокий тоталитаризм рядом не стоял с современной свободой. Кто, с кем, как, где, почему и почём – всё описано в мельчайших подробностях. Это касается «звёзд». А простые граждане добровольно делятся подробностями в «ЖЖ» и прочих подобных изданиях.

Любят вспоминать, что при Сталине и вообще «в совке» могли вызвать на партком и пропесочить неверного мужа и ветреную жену. Не знаю, насколько была распространена такая практика, но предположим, что была распространена. Допустим даже, что она была повсеместной (на самом деле, конечно, были дела посуществнее полоскания чужого грязного белья). Скажите, а что дурного, если человеку укажут на то, что он ведёт себя неправильно, если уважаемые в коллективе люди его постыдят и напомнят о долге? Что плохого в том, что кого-то другого это удержит от неправильных поступков? Государство заинтересовано в размножении населения, значит, ему нужна крепкая семья, значит, оно всеми доступными средствами должно её укреплять, пропагандировать и по возможности бороться с отклонениями.

Любопытно, что в «наше время», на рубеже 1960-х – 70-х, у нас в классе у всех был полный комплект родителей. А сегодня? Мне рассказывала знакомая учительница, что у неё в классе одной из рядовых московских школ нет ни одной полной нормальной семьи (есть несколько с отчимом). «Вот злонравия достойные плоды», – как говорил Стародум из «Недоросля».

Но сдаётся мне, что на самом деле гораздо больше сегодня бояться вмешательства государства не в алковную, а в финансовую личную жизнь. Контроль за расходами мог бы вскрыть массу интересного: например, каким одиноким старушкам принадлежат роскошные автомобили, которыми уважаемые люди управляют по доверенности, или виллы, на месте которых по документам числится старая дачка-развалюшка. Вот уж был бы ужас! Ужас! Ужас! Но ужасаться не надо, у нас же демократия. Тоталитаризм же требует преданного и честного аппарата, но откуда ж взять опричников для такого контроля? И кто их будет брать? Тоталитаризм – дело не простое и не лёгкое, разлагаться куда проще.

Кстати, в США, цитадели демократии и всяческих свобод, финансовые потоки очень даже контролируются. Там практически исключено наличное денежное обращение – только карточка. А у карточек всегда есть владелец, и платёж в таком случае становится уже не анонимным, как у нас, когда из рук в руки переходят легендарные коробки из-под ксеркса.

Теперь главное, в чём обвиняют тоталитаризм: он убивает свободу мысли и слова.

Более того, за слово он может и самого говоруна убить. В этом деле он имеет давнюю традицию: ещё при античном тоталитаризме Сократа, как известно, отравили за то, что не тому учил молодёжь. Отравили, правда, демократически – на основании вердикта присяжных.

Да, тоталитаризм не приемлет определённые мысли. Но он не убивает свободу мысли – он, правдивее сказать, мысль канализует. Мысль не должна растекаться, а обязана развиваться только в определённом направлении. Например, нельзя ставить под сомнение цели государства, его базовые принципы. Это вызывает ужас либеральных говорунов.

Но ведь что интересно: точно так же поступает любой человек, который карабкается к какой-то цели. Вообще любой человек, у которого есть цель. Полюжим, человек хочет сделать карьеру и стать начальником. Если сегодня он думает, что стать начальником – прекрасно, то завтра: «А стоит ли»? Послезавтра: «Все начальники – сволочи и тупицы». Как вы думаете, есть ли у нашего карьериста шанс достичь своей цели? Правильно думаете: нет ни единого шанса. Потому что мысль его рассеяна, несобрана, не сконцентрирована, точно так же рассеяна и его энергия – ведь любое действие начинается в мысли.

Любое восхождение, любое движение вперёд начинается с дисциплины мысли. Это значит думать только нужные мысли и отсекал ненужные. Этот процесс называется «ментальной диетой».

Точно так же поступает и тоталитаризм на уровне целого народа. Он говорит: «Наша цель такая-то, наш вектор движения направлен в такую-то сторону, значит, нам нужны мысли, совпадающие по вектору с определённым нами направлением. То, что против, нам не годится». Разумеется, мысли отдельных людей никто не способен отследить, поэтому на уровне народа, а не отдельного человека, речь идёт о высказываниях. Так вот тоталитаризм приравнивает слово к поступку.

Кстати, писатели и вообще все, чьей профессией

является слово, должны испытывать к тоталитаризму почтительную благодарность. Их корпоративная антипатия к тоталитаризму – плод недомыслия и чёрной неблагодарности. «Сила слов», «слов набат» и всё такое прочее возможно только в тоталитарном обществе. При демократии, где болтают все и каждый триндит, что на ум придёт, любое слово тонет в бурном потоке празднослова и пустомыслия. Это мы наблюдаем в современной жизни повседневно.

Тут мы подошли к самому интересному: тоталитаризм полезен и плодотворен, когда общество куда-то целенаправленно идёт. Когда перед ним стоят задачи. То есть оно не просто живёт, как получится, а имеет цель: отразить агрессию (или подготовиться к отражению), создать новый строй жизни, противостоять какой-то угрозе (например, между прочим, климатической). Тогда на сцену является тоталитаризм. Подругому просто невозможно, не получается. Если общество желает решать большие задачи, оно должно сконцентрировать свои силы, ресурсы, мысли (да-да, в первую очередь – мысли) и направить всё это на цель. Если цели нет – можно жить, как попало, думать, как придётся, болтать, что вздумается, а паче всего – лелеять своё драгоценное самовыражение.

Здесь кто-нибудь непременно возмутится: а как же развитые страны, та же Англия, которые безо всякого тоталитаризма, а, напротив, под знаменем демократических свобод получили мощный импульс развития?

Никакого противоречия тут нет. Их тоталитаризм был религиозным. Протестантские секты, да и вообще протестантизм (разумеется, когда вера жива, а не выродилась в машинальный обряд) даёт мощные и вполне тоталитарные правила поведения.

Когда-то в эпоху Реформации активисты-кальвинисты входили в дома женовских обывателей и проверяли, в достаточной ли чистоте хозяйки содержат кухню. Они справедливо увязывали чистоту внешнюю и внутреннюю. И никто не вспоминал о неотъемлемом праве человека превратиться в свинью, если ему это заблагорассудится.

Сегодняшние мормоны (есть такая протестантская секта, хотя сами они себя считают отдельной религией), согласно предписаниям своей веры, даже не пьют чая и кофе, потому что это хоть и легчайшие, но всё же наркотики. Про алкоголь и курение и речи нет. В их книгах всё урегулировано именно в бытовой сфере: как одеваться, как развлекаться, как жениться. Чем не тоталитаризм?

Но нам, конечно, пристало больше интересоваться своей историей, а не чужой. Чему она нас учит? А вот чему.

Все реальные успехи нашей страны были достигнуты при тоталитарном режиме. Вся послесталинская эпоха, нравится нам это или нет (мне лично совершенно не нравится), была сползанием вниз и сдачей всех позиций – военных, технических, культурных. Именно тогда в силу инерции, сохранившейся с предыдущей эпохи, были получены нобелевские премии, сделаны впечатляющие открытия.

Принято считать, что в те времена литература и искусство были забыты. Об этом написано уже не тома – целые библиотеки. А вы прогуляйтесь в музей современного искусства на Петровке, д. 25 и сравните увиденное там с самыми рядовыми картинами 1940 – 50-х годов под авторством какого-нибудь сервильного Налбандяна или пошлого Прянишниковова. Да Прянишниковов вам Рафаэлем покажется!

Я не специалист по литературе и искусству, но не могу не отметить того, что принято в упор не видеть.

Сталинский тоталитаризм создал, по меньшей мере, два культурных феномена, которых не было нигде в мире:

- 1) советскую школу художественного перевода и
- 2) советскую детскую литературу.

Эти явления могли возникнуть только на почве тоталитаризма, в его атмосфере, и они умерли вместе с «совком». Сегодня, сообщалось, пытаются продать издательство «Детская литература», но желающих нет.

Так что не тоталитаризма нам надо бояться, а как раз демократии. Вред демократии, кстати, понимал ещё Аристотель. Он считал её дурным и очень трудно осуществимым образом правления. Наш народ вообще склонен к расхлябанности (любой: бытовой, технической, организационной), а демократия как образ правления в свою очередь именно к ней и располагает. В результате мы имеем своего рода резонанс внешней и внутренней расхлябанности. Что и приводит к той вакханалии и безурядице, которые мы повсеместно наблюдаем.

Так что нам тоталитаризм очень даже подходит. А если Оруэллу он не нравится, так ведь «1984» – это художественное произведение. Сказка. Прочитайте другую сказку. Вот, например, в «Четвёртом сне Веры Павловны» (для молодёжи напоминаю: Н. Г. Чернышевский, «Что делать?») тоталитарное общество описано очень даже мило и привлекательно; герои счастливы.

Не нужно бояться слов. Нужно бояться тех, кто с помощью слов морочит нам головы.

Михаил Хазин, Олег Гигорьев

Проблема рисков в современной экономике

Нетрудно понять, почему эта проблема рассматривается в качестве приоритетной.

Именно кризис финансовой системы летом 2007 года запустил кризисные процессы в мировой экономике, причем каждый новый этап кризиса начинался с неприятностей в финансовой сфере.

Аберрация экономической мысли.

Последним таким примером является проблема долгов Греции, после появления которой многие заговорили о возможности очередной волны мирового кризиса. Считается также, что именно слабость финансовой системы является сегодня основным препятствием на пути восстановления мировой экономики.

С нашей точки зрения такая постановка проблемы страдает явной однобокостью, которая, впрочем, легко объяснима сложившимися в последние десятилетия тенденциями развития экономической науки. Пропасть между микроэкономикой и макроэкономикой, а также между тем, что считается собственно экономической наукой и наукой о финансах, стала практически непреодолимой.

На основе этих тенденций стало принятым считать, что в реальном секторе, который без потери содержания можно вообразить безденежным, постоянно поддерживается равновесие. Все же риски сосредоточены в финансовом секторе, в котором кризисы и происходят и которые обычно реальный сектор не затрагивают. Вспомним, сколько раз в период кризиса мы слышали о том, что фундаментальные показатели экономики находятся на приемлемых уровнях, поэтому достаточно только нормализовать ситуацию в финансовом секторе, и кризис прекратится. Конечно, кризисы последних лет, начиная с «азиатского кризиса» 1997—1998 годов, и особенно нынешний кризис показывают, что при определенном стечении обстоятельств (по поводу которых ведутся жаркие дебаты) неприятности в финансовом секторе могут вывести реальный сектор из состояния равновесия. Но это, по мнению большинства экономистов, тем более является стимулом для того, чтобы сосредоточиться на финансовых проблемах.

Разделение труда

увеличивает временные разрывы.

Мы считаем, что фундаментальный риск мировой экономики лежит на стороне не финансового, а реального сектора. В чем этот риск заключается?

В основе современной производственной системы лежит, согласно нашему пониманию, процесс непрерывного углубления разделения труда, или, пользуясь терминологией О. Бем-Баверка, применение все более «окольных» способов производства. Какой бы терминологией мы не пользовались, речь во всех случаях идет об одном — о постоянном увеличении временного разрыва между тем моментом, когда материал природы поступает в экономическую систему, и тем моментом, когда он предстает в качестве конечного потребляемого продукта (этот временной промежуток мы будем называть временем производства).

Естественно, можно привести множество частных примеров, когда в результате углубления разделения труда время производства сокращается (Бем-Баверк, введя понятие «окольности», эту возможность заранее объявил несуществующей). Но, как правило, оно все-таки увеличивается, особенно если понимать его расширительно, включая, например, организационные преобразования структур бизнеса.

Это означает, что, когда мы принимаем решение о вовлечении сырья в экономический оборот, мы не имеем никакого представления о том, будет ли пользоваться спросом произведенный из него потребительский продукт. Последняя информация, которая у нас есть, — это объем сегодняшнего потребления. Но потребляемая сегодня продукция произведена из сырья, которое было вовлечено в хозяйственный оборот некоторое время назад, а вовсе не из того сырья, которое вовлекается синхронно с потреблением (хотя в большинстве экономических моделей считается именно так). Если завтра спрос упадет, то некоторая часть незавершенной продукции, включая и то сырье, которое мы только что вовлекли в оборот, окажется ненужной.

Дж. Хикс в своей фундаментальной работе «Стоимость и капитал» вполне откровенно объяснил, почему экономисты отказались от использования подхода, связанного с явным использованием понятия «окольных» способов производства. Дело в том, что при попытке количественно определить среднее время производства возникают многочисленные и непреодолимые технические сложности.

Это действительно так. Однако сам отказ от весьма рационального и подтверждаемого реальностью подхода из-за сложности его параметризации не может не вызывать удивления. Из того, что какому-то явлению невозможно поставить в соответствие однозначно определенное численное значение, вовсе не следует, что этого явления не существует. Тем не менее, современная экономическая теория считает именно так.

За рисками риска не разглядеть.

Объем потребляемой сегодня продукции ничего не говорит нам о том, сколько ее будет потребляться завтра. Мы можем, конечно, посмотреть объемы потребления на протяжении длительного периода времени — это тоже нам мало о чем скажет. Экстраполяция как инструмент прогнозирования в условиях действия деловых циклов не работает. Единственное, что мы можем увидеть, изучая долгосрочные тренды, — это то, что в определенных моменты времени объемы потребления внезапно и резко падают. Это могло бы послужить нам предупреждением, но, как показывает

опыт, у экономических субъектов всякий раз возникает иллюзия, что уж на этот-то раз все будет иначе.

Иллюзия эта возникает не на пустом месте. Дело в том, что общий глобальный риск производственной системы отдельному хозяйствующему субъекту не виден. Он видит только ту часть производственной цепочки, которая находится под его собственным контролем. Здесь время производства, конечно, тоже существует, но оно гораздо меньше, чем общее время производства в экономической системе. Поэтому и риск кажется менее значительным. На локальном уровне риск, связанный с длительностью производственного цикла, как правило, выглядит незначительным по сравнению с чисто хозяйственными рисками, связанными с вероятными сбоями в функционировании хозяйственного механизма. Соответственно, именно хозяйственным рискам уделяется наибольшее внимание, тем более что существуют и активно применяются методы, снижающие риск длительности производственного цикла для отдельной экономической ячейки. В частности, к таким методам относятся передача отдельных функций на аутсорсинг.

Более того, риск, связанный с длительностью производственного цикла, на уровне локальной хозяйственной ячейки часто воспринимается как чисто хозяйственный риск. Традиционные потребители перестали покупать произведенную продукцию? Значит, не доработал маркетинг. Значит, надо заставить сотрудников соответствующих подразделений побегать и попробовать найти новых потребителей. А заодно выяснить, не появился ли новый конкурент, сумевший резко улучшить соотношение «цена — качество». А также поручить своему научно-техническому подразделению подумать над тем, можно ли снизить издержки, одновременно повысив качественные характеристики. Сменить упаковку, провести ребрендинг, наконец. Про системный характер кризиса типичный представитель реального сектора узнает из газет, из них же он узнает, что все проблемы — в финансовом секторе, и ждет, когда политики наконец-то вернутся с жадными банкирами.

Итак, мы имеем ситуацию, в которой системный риск заведомо есть, но которого вроде бы и нет — по крайней мере, ни для одного из экономических субъектов он не играет сколько-нибудь заметной роли. Риск этот сосредоточен в реальном секторе. А какова роль финансового сектора?

Дробление и распределение — иллюзия отсутствия.

Прежде всего, необходимо понять, что финансовый сектор с системным риском ничего поделать не может. Никакие финансовые технологии не в состоянии предоставить нам заведомо достоверную информацию о том, каков будет уровень потребления через несколько месяцев, через год, несколько лет. Как бы ни была развита финансовая система, какие бы самые новейшие финансовые технологии ни применялись, системный риск реального сектора будет оставаться неизменным.

Не будучи в состоянии что-то сделать с содержанием системного риска, финансовая система активно работает над видоизменением его формы. Делает она это трояким образом.

Во-первых, финансовая система разбивает общий системный риск на огромное количество маленьких рисков.

Собственно, в реальном секторе системный риск уже разбит на маленькие, часто практически незаметные доли в силу дробной организационной структуры самого этого сектора. Однако финансовая система дробит риск на еще более маленькие фрагменты.

Рассмотрим пример. Как известно, отраслью, в которой фактор времени производства играет существенную роль, является сельское хозяйство. Там всегда существует вопрос: что сеять, сколько сеять, поскольку предсказать будущий спрос невозможно. В результате по осени в одних видах продукции наблюдается дефицит, в других — явный избыток. Цены непредсказуемо скачут — то растут, то падают.

Здесь производителю на помощь приходят финансовые технологии, позволяющие ему застраховаться от резкого падения цен в момент, когда урожай будет собран и поступит на рынок (аналогичную страховку может купить и потребитель — на случай, если цены резко вырастут). Теперь риск будет поделен между производителем сельскохозяйственной продукции и страховщиком. Страховщик может дальше оперировать с принятым им на себя риском, выпустив производный инструмент второго порядка, и так далее.

В результате выпуска ценных бумаг следующих уровней общий системный риск остается таким же, каким он был, однако теперь он разделен на множество рисков, каждый из которых настолько мал, что его держателям кажется, что риска нет вообще. При этом создается еще одна иллюзия, а именно, что каждая порция риска самостоятельна, независима от других порций одного и того же риска, поскольку каждая из таких порций обращается на разных рынках финансовых инструментов.

Во-вторых, финансовая система распределяет общий системный риск среди широкого круга инвесторов.

Чем мельче порция риска, тем большее количество потенциальных инвесторов готово принять его на себя, полагая, что риска нет вообще.

В-третьих, финансовая система перераспределяет риски во времени.

Если кажется, что граждане могут себе позволить купить произведенный продукт, им можно предоста-

вить кредит. В этом случае реализация системного риска откладывается на некоторое время. В конце концов выяснится, что граждане действительно не могли позволить себе купить этот продукт, — когда они перестанут платить по кредитам. В этом случае кредиты можно реструктурировать, но тогда граждане перестанут покупать какие-то другие продукты, то есть системный риск перенесется в какие-то другие сектора реального сектора.

Можно ли нарезать бесконечную колбасу?

Существует ли собственный риск финансовой системы, не связанный с системным риском реального сектора? Здесь необходимо отметить два аспекта.

1. Есть собственный риск финансовой системы, связанный с возможностью мошенничества, — случай Мэдoffs это лишний раз показал. Однако надо понимать, что грань между легальной деятельностью в финансовом секторе и чистым мошенничеством крайне тонка. При желании деятельность финансовой системы можно в целом охарактеризовать как мошенническую. Ибо финансовая система производит иллюзии: она принимает на себя вполне конкретный и неуничтожимый риск, но благодаря манипуляциям с ним продает его своим клиентам инвесторам под видом низкорисковых или вообще безрисковых инструментов. Разница между уважаемыми финансами и Мэдoffs заключается в том, что он это делал сознательно, а финансовая система в целом делает это бессознательно.

2. Как мы уже говорили, финансовая система активно работает с формой риска, поэтому структура риска в финансовой системе не совпадает со структурой риска в реальном секторе. Поскольку же экономические агенты ориентируются в своей деятельности в том числе и на структуру рисков в финансовом секторе, постольку финансовый сектор оказывает влияние на реальный сектор.

В реальном секторе под воздействием финансового начинают формироваться дополнительные диспропорции, в результате чего системный риск начинает расти, — это и есть проблема финансовых пузырей.

Далее начинается гонка. Представьте себе, что вам надо нарезать батон колбасы на мелкие кусочки. Однако по мере того как вы его режете, остающаяся часть начинает расти. Вы режете еще быстрее, но вскоре замечаете, что темп роста колбасы является возрастающей функцией от скорости, с которой вы колбасу режете. Нечто подобное и наблюдалось в период, предшествовавший нынешнему кризису.

Реальные пределы роста.

Финансовый сектор принимает на себя системный риск реального сектора, поэтому нет ничего удивительного в том, что именно финансовый сектор оказывается на переднем крае, когда этот риск реализуется и экономика вступает в период кризиса. Своя доля «вины» финансового сектора тоже есть, особенно если учесть, что кризисы обычно начинаются в тех сферах, в которых финансовый сектор оказывает воздействие на реальный. Но первоначальный источник кризиса находится все-таки в реальном секторе. Потери финансовой системы — это убытки предприятий реального сектора. Это убытки, которые до поры до времени благодаря финансовой системе удавалось скрывать, перераспределять во времени и пространстве, относя их на будущие периоды и перекладывая на широкие массы инвесторов таким образом, чтобы это не подрывало стимулы к инвестированию.

Откуда же взялись эти убытки реального сектора? Еще со времен Адама Смита известно, что уровень разделения труда обусловлен размерами рынка. Так вот, наша гипотеза заключается в том, что в настоящее время сложившийся в мировой экономике уровень разделения труда превышает размеры рынка.

Раньше рост уровня разделения труда имел своим следствием, с одной стороны, рост системного риска реального сектора, с другой — рост эффективности производства, который реализовывался на постоянно расширяющихся рынках. Баланс был достаточно хрупким: кризисы все равно возникали, но носили краткосрочный характер. Сегодня же мы сталкиваемся с ситуацией, когда растущую вследствие углубления разделения труда эффективность невозможно реализовать из-за ограниченности рынков, ибо эти рынки уже стали глобальными. Предел достигнут. В результате рост системного риска реального сектора ничем не компенсируется, за исключением попыток финансовой системы этот риск каким-то образом размазать во времени и экономическом пространстве.

Можно, конечно, обсуждать проблему снижения рисков в финансовом секторе. Но тогда возникает вопрос: а кто возьмет на себя системный риск реального сектора и как он будет им управляться? Можно предположить, что это будут делать государства, но ни одно современное государство в мире не контролирует сколько-нибудь значительную часть системного риска реального сектора (наметившаяся в последнее время тенденция к усилению протекционизма есть попытка — заведомо провальная — такой контроль хоть как-то усилить).

Кроме того, современные государства не обладают ни возможностями, ни особым желанием брать на себя риски реального сектора. Но рано или поздно теми или иными способами им придется это сделать. Но государства, которые это делают, будут устроены совсем иным способом, нежели те, которые существуют сейчас. Собственно, понимание этого обстоятельства и делает актуальным вопрос о новых социальных технологиях.

Сергей Кара-Мурза

Засуха 2010 – третий экзамен

В 2009 г. произошла катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС. Власть и «элита» должны были ответить, что это такое. Они ответили: «Мы не виноваты, это всё «совки» – плохую ГЭС нам построили. И вообще, оставили нам технологически отсталую Россию».

Садитесь, двойка! Катастрофа показала, что вы по своей жадности и лени не способны пользоваться технологией, которую вам оставили в наследство.

В 2010 г. лето принесло нам природное бедствие – жару и засуху. Это – тяжелое испытание, оно регулярно, примерно каждые 25 лет, посещает Россию. Но экзамен ставят не природе, а обществу: как оно готовится к этому бедствию и как на него отвечает.

В целом об ответе говорить рано – оценку получим осенью. А реакция пока что недостойная – СМИ трещат о дискомфорте столичных жителей, о нехватке кондиционеров, о дыме торфяников, который им глаза выел, о температурных рекордах. И о том, что «хлеба в России хватит», а если кому и не хватит – ничего страшного. Зато тараканы подохнут.

Оставим СМИ и «элиту», экзамен-то для нас – для жителей России, государства. Жара и засуха – неотъемлемая часть той природной среды, в которой судьба определила нам жить. Мы обязаны быть готовы к этой беде и переживать ее сообща. Для этого мы имеем разум, опыт, науку и народное хозяйство. Уже 25 лет во всех этих защитных средствах происходят изменения. Вот и посмотрим, каков их результат и какие выводы можно сделать. От идеологии постарайтесь уйти, возьмем лишь значимые факты. Не будем здесь говорить о дискомфорте, а будем – о хлебе. За хлебом стоят азбучные истины, отход от которых и есть корень всего нашего неизбывного кризиса.

Главный тезис этого текста заключается в том, что нынешнюю жару и засуху надо принять как бедствие, посланное нам свыше во спасение. Как сигнал, предупреждающий о нашей обязанности задуматься о собственных мыслях и делах последних тридцати лет – нас, как народа, общества и государства. А суть тезиса сводится к тому, что примерно пять поколений нашего народа, живших при советском строе и видевших мир через «советские очки», выстроили для России национальную систему защиты от засухи. Это строительство было великим делом, ради которого все те поколения отказывались от большой доли личного потребления. Они создали большую техническую и социальную систему, соответствующую природным и ресурсным условиям России, и эта система была эффективной.

Но в последние тридцать лет поколения, которые стали господствовать на общественной арене России, эту систему осмеяли, оклеветали и разрушили. Это прошло почти незаметно, потому что было поистине общим делом: кто-то уничтожал, кто-то этому аплодировал, остальные апатично наблюдали. И вот сейчас, когда это дело оказалось практически завершенным, в Россию приходит жара и засуха. И оказывается, что систему защиты, которую наши нынешние поколения получили в наследство, оклеветали и уничтожили, ничем не заменили. Ничего лучшего или примерно такого же не построили!

Такие вещи даром не проходят. Надо пережить бедоу как наказание,

совместно обсудить корни наших ошибочных установок и начать восстановление или новое строительство. Другого разумного способа не видно.

Упорядочим факты. Разум, опыт и наука уже в XIX веке определили, что жару и засуху как фактор нашего климата можно смягчить лишь путем изменения «микrokлимата» в зонах, где дуют суховеи и случаются засушливые годы. Это достигается созданием локальных экосистем из пашни, луга, леса и воды. Для этого надо принимать лесо- и водоохранные меры: лес порождает родники и ручьи и защищает поля от суховеев, а местные источники воды позволяют орошать поля. Более крупные, региональные программы заключаются в строительстве каналов, водохранилищ и оросительных систем, в мелиорации земель.

В деревнях и поместьях издавна устраивали пруды, сажали лес – в размерах, которые позволяла самоорганизация. Все более важным становилось и организующее слово государства. После засухи и голода 1921 года вышло постановление за подписью Ленина «О борьбе с засухой», в котором говорилось об особом статусе лесов, имеющих водоохранное и защитное значение, об укреплении оврагов, снегозадержании и пр. Говорилось и о развитии мелиорации и орошения. Сил и средств еще было очень мало, но этим постановлением задавался вектор, и он в советской системе значил много – под него готовились кадры и строилась социальная организация (от деревенских коллективов до Госплана). Силы, средства и опыт организации добавились уже после войны.

Крупномасштабная программа была принята Постановлением Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 20 октября 1948 года «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Эта программа называлась «Сталинским планом преобразования природы» – как бы ни вращал своими добрыми глазами Сванидзе. План этот вытекал из трудов русских ученых – почвоведов и аграриев В. В. Докучаева, П. А. Костычева и других.

Созданный для разработки программы институт («Агролеспроект») проектировал систему лесополос. Первая из них (более тысячи километров) пролегла от Урала до Каспийского моря. Общая протяженность крупных государственных полезащитных полос превышала 5 300 км. В этих полосах было посажено 2,3 млн. га леса.

С 1960 г. началась большая программа лесопосадок. В РСФСР только за 15 лет (1965–1980 гг.) было посажено 12,4 млн. га леса. Но что произошло с началом реформы в 1989 году? Началась ликвидация национальной системы лесовосстановительных работ! За 10 лет посадка лесов сократилась в 3 раза. Это не результат стихийного бедствия, это – следствие политического решения, как и продолжение сокращения лесовосстановительных работ после 2000 года, когда на Россию пролился живительный дождь нефтедолларов.

Каков был ход мысли экономистов и министров, которые принимали эти решения? Какие запросы правительства по этому поводу сделала оппозиция? На что все они надея-

лись – что вступление в ВТО изменит климат в России?

Рис. 1. Посадка и посев леса в России, тыс. га

Пока что просвета не видно – гибель лесонасаждений в России стала намного превышать объем посадки. В 2000 г. погибло в три раза больше насаждений, чем было посажено в этот год, в 2005 г. – в пять раз больше.

Посадка леса на месте его промышленных вырубок, пусть в небольших масштабах, но все же продолжается. А поддержание полезащитных лесных полос в России почти прекратилось. В 80-е годы в лесополосах еще проводилась посадка леса в размере 30 тыс. га в год, после 1995 г. она колебалась на уровне около 2 тыс. га, а в 2007 г. составила 0,3 тыс. га. Лесополосы зарастают кустарником и теряют свои защитные свойства. А главное – они стали бесхозными и активно вырубятся. Генеральный директор института «Росгипролес» М. Б. Войцеховский пишет о судьбе лесополос: «До 2006 года они входили в структуру Минсельхоза, а затем были статусно ликвидированы. Оказавшись ничьими, лесополосы стали интенсивно вырубаться под коттеджную застройку или с целью получения древесины».

Вернемся к началу послевоенной программы. Одновременно с устройством системы полезащитных лесонасаждений была начата большая программа по созданию оросительных систем. В СССР было создано около 4 тыс. водохранилищ, вмещающих 1200 км³ воды. Они позволили резко улучшить окружающую среду, построить большую систему водных путей, урегулировать сток множества рек, получать огромное количество дешевой электроэнергии, использовать накопленную воду для орошения полей и садов. В 1960 г. площадь орошаемых земель в РСФСР составляла 1,3 млн. га, в 1970 г. – 2 млн. га, а к 1980 г. выросла до 5 млн. га. В 1990 г. был достигнут максимум – 6,2 млн. га орошаемых земель. При этом степень использования оборудованных для орошения земель в 80-е годы составляла 95%.

Как эта программа оценивалась той общественной группой, которая стала доминировать в годы перестройки? Эта программа была представлена как коллективный враг народа – и «демократическим», и «патриотическим» крылом элиты. Началась идеологическая подготовка к ликвидации ирригационной системы России.

А. Д. Сахаров в «Предвыборной платформе» (1989 г.) выдвигал такое требование: «Немедленное прекращение финансирования Министерства водного хозяйства и его ликвидации или перевод на полный хозрасчет». И это не глас вопиющего

в пустыне – это говорит человек, бывший безусловным авторитетом в среде гуманитарной и научно-технической интеллигенции!

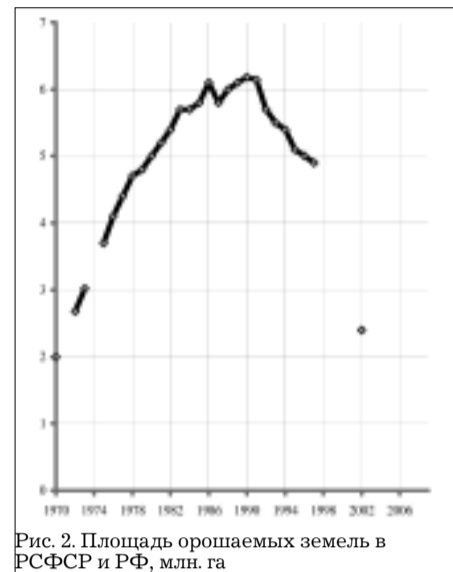

Рис. 2. Площадь орошаемых земель в РСФСР и РФ, млн. га

Академик А. Л. Яншин, председатель Научного совета по проблемам биосферы АН СССР, писал: «Имена покровителей министерства [Минводхоза] мы узнаем лишь в будущем, но делало оно свое темное дело вполне сознательно и агрессивно».

Н. П. Шмелев, депутат Верховного Совета, ответственный работник ЦК КПСС, ныне академик, пишет в программной книге «На переломе: перестройка экономики в СССР» (1989 г.): «Рукотворные моря, возникшие на месте прежних поселений, полей и пастбищ, поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель».

Шмелеву рукоплескали, хотя, чтобы увидеть нелепость этого утверждения, достаточно было протянуть руку и взять справочник. При строительстве водохранилищ в СССР было затоплено 0,8 млн. га пашни из имевшихся 227 млн. га – 0,35% всей пашни. Водоохранилища не «поглотили миллионы гектаров плодороднейших земель», а позволили оросить 7 млн. га засушливых земель.

Нетрудно было узнать и такие сведения: на тот момент в США было 702 больших водохранилища (объемом более 100 млн. м³), а в России – 104. А больших плотин (высотой более 15 м) в 2000 г. в Китае было 24–6 389, в Канаде – 820, в Турции – 427, а в России – 62. Отставание России в использовании водохозяйственного потенциала рек колоссально, но общество легко приняло ложь о том, что водное хозяйство приобрело у нас безумные масштабы.

В 70-е годы в РСФСР были построены крупные оросительные системы. И в течение 80-х годов еще вводились в действие крупные площади орошаемых земель, несмотря на активную идеологическую кампанию против мелиорации, начатую в 1985 г. В 1981–1985 гг. ввели 1,4 млн. га, а в 1986–1990 гг. 0,97 млн. га. За 1985–1990 гг. ввод в действие орошаемых земель сократился в РСФСР в 3 раза, а затем упал почти до нуля. За пятилетку 1992–1996 гг. ввели 0,057 млн. га, а за 2004–2008 гг. – 0,005 млн. га. (рис 3)

Эти данные говорят также и о том, что прекратились работы по ремонту и реконструкции имевшихся ирригационных сооружений, поскольку уже в 80-е годы ввод в действие орошаемых земель в значительной части был следствием реконструкции.

Судя по тому, как резко уже в 1985 г. стали сворачивать строительство оросительных сооружений, эта

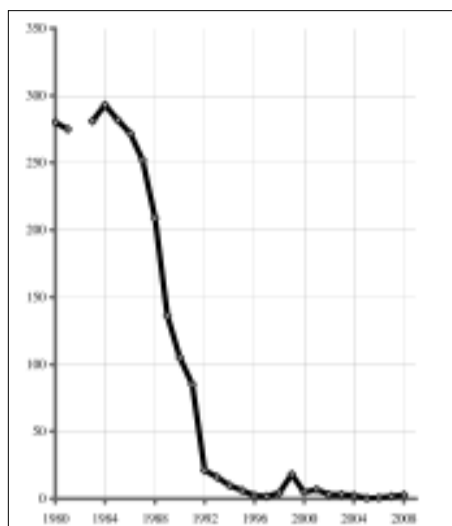

Рис. 3. Ввод в действие орошаемых земель в России, тыс. га

акция планировалась еще до того, как Горбачев получил пост генсека ЦК КПСС. Заранее готовились также идеологические кадры для дискредитации всей водохозяйственной политики СССР (здесь мы не вдаемся в геополитический аспект прекращения строительства больших ирригационных систем в СССР).

Красноречив тот факт, что в кампании против ирригации ни разу не вставал вопрос о том, как с ней обстоит дело в США. Одно это показывает, что вся эта кампания была лживой – ведь США нам ставили в пример. Площадь орошаемых земель в США в начале 80-х годов была примерно такой же, как и в СССР (20 млн. га). Благодаря высокому уровню агротехники и интенсивному использованию удобрений эффективность орошения там велика. Так, в 1982 г. с орошаемых земель, составлявших 6,1% всей площади, было получено 30% сельскохозяйственной продукции. Ирригация – один из важнейших факторов сельского хозяйства США.

Невозможно представить себе, чтобы какая-то группировка в США начала кампанию за ликвидацию национальной ирригационной системы и тем более, чтобы эта кампания была поддержана интеллигенцией. Но это на наших глазах произошло в России, и пока мы с этим не разберемся, ни о каком преодолении кризиса не может быть и речи. Мы будем раз за разом клеветать на такие приманки и аплодировать провокаторам с их дудочками, ведущим нас в болото.

Подходим к главному пункту нашей темы. Защитой России от засухи (и в большой степени и от жары) была созданная в 1960-70-е годы большая система ирригации и лесопосадок, которая позволяла подать в сельское хозяйство засушливых районов большое количество свежей воды для орошения и хозяйственных нужд. В 1984 г. российские села получили для этих нужд 27 куб. км воды. С 1985 г. расширение и модернизация этой системы были прекращены, а сама система стала разрушаться и выводиться из строя. В результате снабжение сельского

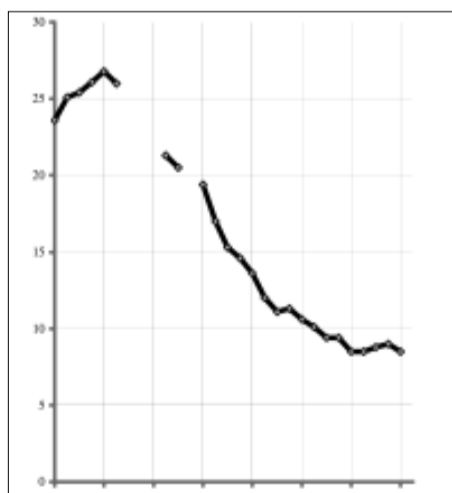

Рис. 4. Использование свежей воды на орошение и сельскохозяйственное водоснабжение в России, куб. км

хозяйства водой стало снижаться и с 2004 г. колеблется на уровне около 8 куб. км – в 3,4 раза меньше, чем в 1984 г. (рис 4)

После 1997 г. Росстат перестал публиковать данные о площади орошаемых земель. Номинально часть старых орошаемых площадей продолжает считаться орошаемыми, но в действительности половина их не поливается совсем, а для другой половины воды недостаточно.

Другим показателем деградации ирригационного хозяйства России служит динамика парка поливных и дождевальных машин. Большая часть орошаемых земель не требует обильного (промывочного) полива, их орошают с помощью машин. Парк этих машин за годы реформы сократился почти в 15 раз и продолжает неуклонно сокращаться. Этот парк интенсивно формировался во второй половине 1970-х годов, а в 80-е годы для его поддержания производились стабильные поставки около 8 тыс. машин ежегодно. В 20* году на всю Российскую Федерацию было приобретено 55 дождевальных машин и установок (а списано 305). Российские поля стали беззащитны против засухи.

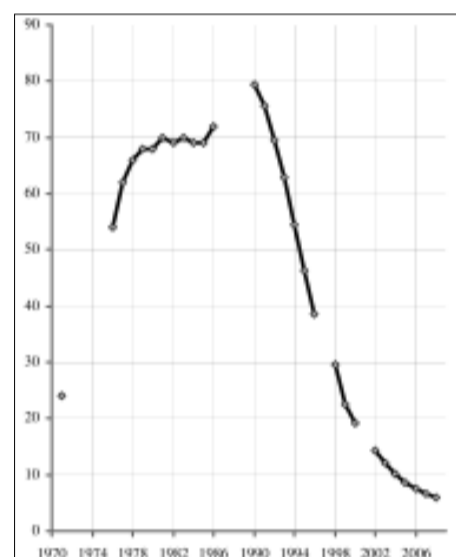

Рис. 5. Парк дождевальных и поливных машин и установок в сельскохозяйственных предприятиях России, тыс. штук

Орошение – энергоемкая технологическая операция. Глубину и темп деградации этой технологии в России можно характеризовать сокращением потребления электроэнергии на производственные цели в сельском хозяйстве России. Конечно, этот показатель говорит об общем технологическом регрессе сельского хозяйства, но разрушение культуры ирригации – важная сторона той революции регресса, которая обрушилась на Россию под маской реформы.

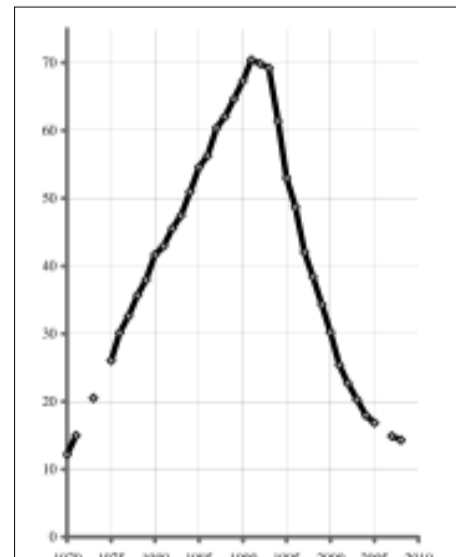

Рис. 6. Потребление электроэнергии на производственные цели в сельскохозяйственных предприятиях России, млрд. кВт-ч

Надо сказать, что, начиная с древних «гидравлических» цивилизаций системы орошения становились важной частью всего жизнеустройства и сельской инфраструктуры. Во

многих регионах современной России эти системы стали выполнять ряд важных функций, о которых не думали, пока все было в порядке. Когда происходит сбой, становится видно, что мы потеряли, бросив эти системы на произвол судьбы.

В конце 2002 г., после наводнений с человеческими жертвами на Северном Кавказе, «Эху Москвы» дал интервью зампреда Госстроя Л. Чернышов. Он так объяснил причины катастрофы: «Проблема в чем? Что длительное время гидротехнические сооружения, которые создавались «Минводхозом» еще в советские времена, во-первых, утратили свое значение в целевом плане, т.е. все каналы, которые орошали рисовые поля, поливали пустынные степи Ставрополя, не эксплуатировались порядка 10-15 лет. Прекратило существование ведомство «Минводхоз», которое всегда держало на балансе и в плановом порядке осуществляло эксплуатацию, обновление и т.д. этих объектов. Когда специалисты попытались открыть там задвижки или шабера, все заржавело, невозможно было ничего с ними сделать. Т.е. можно было компенсировать удар, который пришелся тогда на ряд населенных пунктов, но сделать это было невозможно из-за того, что те объекты, которые сейчас есть и не эксплуатируются, по существу, являются бесхозными».

Пусть это вспомнят те, кто аплодировал ликвидации Минводхоза и прекращению ирригации.

Упомянем кратко еще два фактора, которые улучшают почву и делают культурные растения более устойчивыми против засухи – минеральные удобрения и химическую мелиорацию.

Применение минеральных удобрений – необходимое условие для интенсивного земледелия, особенно на орошаемых землях. В 1960-80-е годы в СССР была создана мощная промышленность минеральных удобрений – их производство выросло в 10 раз (рис 7). Благодаря этому к концу 80-х годов страна стала выходить на уровень, при котором внесение удобрений компенсирует вынос из почвы питательных веществ с урожаем.

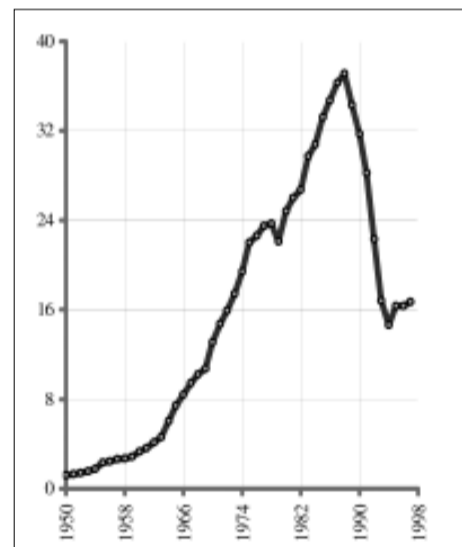

Рис. 7. Производство минеральных удобрений в СССР (затем в СНГ), млн. т в пересчете на 100% питательных веществ

В 1985 г., одновременно с кампанией против орошения, в СССР началась интенсивная пропаганда против применения минеральных удобрений, которое было якобы избыточным («нитратный психоз»). В действительности расход минеральных удобрений на 1 га сельскохозяйственных земель в 1987 г. в СССР равен 45,4 кг, а в Западной Европе – 142,3 кг. В расчете на 1 га пашни СССР в 2 раза уступал Китаю. При этом специалисты подчеркивают, что минеральные удобрения есть наиболее важный почвосберегающий фактор.

Под прикрытием идеологической кампании реформаторы парализовали производство удобрений, а

потом перенаправили продукцию этого производства с внутреннего рынка на экспорт. Промышленность, созданная для интенсификации и модернизации отечественного сельского хозяйства, стала работать на мировой рынок. Начиная с 1995 г. количество вносимых в почву удобрений в России не превышало 19-21 кг/га, начав возрастать лишь с 2004 г. и поднявшись до 27 кг/га в 2006 г. Но приоритетный национальный проект почти не изменил положение с применением минеральных удобрений в сельском хозяйстве России. Плановая система строила, а рыночная – разбазаривает.

Здесь, как и в случае орошения, надо подчеркнуть абсолютное отсутствие в идеологической кампании против минеральных удобрений ссылок на опыт США, на которые тогда были устремлены взоры нашей интеллектуальной элиты. Между тем, этот опыт свидетельствует: «С 1950 по 1972 г. 45% среднегодового прироста урожайности всех сельскохозяйственных культур страны получено благодаря применению удобрений».

Другое важное условие – мелиорация почвы (прежде всего, известкование кислых почв). В 1970-е годы было создано крупномасштабное производство известковой и доломитовой муки, в дополнение к этому примерно 10 млн. т этих материалов завозилось в РСФСР из других республик СССР. Только за три года (1985-1987 гг.) в РСФСР было проведено известкование на площади 15 млн. га (всего в России в известковании нуждаются 45 млн. га). В РСФСР в почву вносилось 32-33 млн. т известковой и доломитовой муки в год, в США в 80-е годы – 26 млн. т.

После 1985 г. само слово мелиорация стало в СССР пугалом. Так готовилось общественное мнение к тому, чтобы с самого начала экономической реформы почвы полностью прекратить в стране все мелиоративные работы. Проведение известкования, необходимого не только для повышения урожайности, но и для сохранения плодородия почвы, было практически прекращено (сокращено в 50 раз).

И опять – полное молчание о том, как относятся к известкованию в США: «Известкование почв как способ устранения излишней кислотности играет роль одного из наиболее важных факторов повышения эффективности химических средств плодородия, а соответственно и урожая сельскохозяйственных культур... Поддержание pH почвы на должном уровне служит хорошим средством профилактики болезней сельскохозяйственных культур», – говорится в пособии по сельскому хозяйству в США.

Летом 2010 г. в засушливых областях России стали служить молебны. 7 июля «Известия» сообщали: «В Нижегородской области, где установилась аномальная жара, в храмах прихожане и священнослужители молятся о ниспослании дождя. В пресс-службе Нижегородской православной епархии сегодня сообщили, что молебны о дожде проходят ежедневно во всех приходах области».

Власти, видимо, довольны – люди не думают о восстановлении ирригационных систем, о производстве и поставках дождевальных машин и доступности электрической энергии. Они молятся о ниспослании дождя. Ну а если всё же начнут роптать, им объяснят, что засуха – стихийное явление. Как-то все само собой получилось: удобрения вдруг потекли за рубеж, леса поредели и начали гореть, дождевальные машины ломались, насосы перестали качать воду, а задвижки на гидроузлах заржавели. Ничего с этим не поделаешь.

Видно, и третий экзамен мы не сдали.

Сергей Кара-Мурза

Давший посох в тумане

Именно об этом уместно говорить в нашем положении, нет пока места лирике личных воспоминаний. В. В. Кожин — негромкий пророк и одновременно «инструмент», с которым мы в нынешней тьме пытаемся найти для себя дорогу.

Чем дальше, тем этот «инструмент» будет важнее — меньше будет ложного гонора, порожденного личным знакомством или дружбой с этим человеком. Удаляясь от нас во времени, он становится пророком «не из своего Отечества».

Как же В. В. Кожин вошел в наш назревающий раскол, как осветил его истоки и необратимые распутия? Чему он помог созреть и что предотвратил или хотя бы притормозил? Не пытаюсь понять «несовместимую со мною» часть, скажу, как я это вижу. Причем вижу не из литературного сообщества, у которого свои профессиональные отношения с Вадимом Валериановичем.

В. В. Кожин жил, думал и менялся в период нашего сползания к хаосу, к культурному кризису и слову. Главные свои предчувствия и сомнения он, по-моему, осмыслил и облек в слова на последнем отрезке своего творческого пути, когда от литературы (и через литературу) поднялся до общих вопросов русского бытия. На том отрезке пути народа, который ведет под уклон, к пропасти, роль мыслителя неярка, не очень видна и мало ценима современниками.

Тот, в ком сильно чувство страны и любовь к своему племени, в это время стремится именно притормозить, предупредить — делает то, что, возможно, и катастрофы не предотвратит, и не расцветет потом, на стадии благополучного роста. Но без этих усилий не пережить катастрофы, и самого этого благополучного роста не будет. Бывает, человек, сорвавшись в пропасть, успевает зацепиться за камень, удерживается и выбраться. Может быть, да и то вряд ли, мимолетно потом и вспомнит этот камень, как будто поставленный его ангелом-хранителем.

Пропасть, к которой нас подманили и в которую сегодня столкнули, рукотворна, она построена мыслями и делами влиятельных общественных сил, обладавших немалыми творческими культурными ресурсами. Но и те камни, за которые мы, скользя по склону и обдирая руки, цепляемся, тоже успели поставить люди. Немного было таких людей, и особое место среди них занимает В. В. Кожин. Он предвидел и даже как будто знал, по какой странной траектории мы будем скатываться на дно, — и точно рассчитал, где поставить и как укрепить те небольшие камни-опоры, за которые мы успеем схватиться, чуть-чуть продержаться и оглядеться.

Немного у него было средств и времени для этого дела, но эти средства и время он употребил наилучшим образом. Как хладнокровный командир, с горсткой бойцов прикрывающий отступление.

Мы продержались эти десять лет в неустойчивом равновесии, почти без запаса прочности. Основная часть культурной элиты подалась на запах денег, дезертировала или даже перешла на сторону душегубов. В таком положении те опоры, которые успел поставить В. В. Кожин, имели для нашей обороны решающее значение. Конечно, не только эти опоры помогли нам избежать беспорядочного и гибельного отступления, но при таком неустойчивом равновесии значение интеллектуального труда В. В. Кожина было именно таким — решающим. В. В. Кожин достроил нашу защиту до того спасительного

минимума, при котором и благодаря которому многие пройдут через катастрофу и вынесут раненых.

Нечего и говорить — перед В. В. Кожинным были все возможности воспользоваться разрухой и послужить победителям на ниве культуры. Думаю, премии он бы получил немалые — адекватные ценности того вклада, что он сделал в нашу оборону (и которого мы бы в таком случае не получили). Многие таланты от такого соблазна не удержались, а В. В. Кожин от него был настолько защищен, что даже вопроса не возникало. Более того, будучи в свое время одним из духовных лидеров нашей литературной фронды, В. В. Кожин не потерял бы в мнении даже отступающей, принимающей удары части народа, если бы всего-навсего встал над схваткой, не стал бы добавлять своих ударов. И в этом случае благодарность нынешних хозяев жизни была бы велика. Но и такой поблажки он себе не дал — пошел и встал в строй отступающих и принимающих удары.

Я был человеком, далеким от литературной жизни, и даже не знал имени В. В. Кожина. Напротив, работая в АН СССР, я общался со многими из тех, кто оказался потом активными идеологами антирусской ветви «перестройки». И впервые я услышал имя В. В. Кожина от одного из них, и оно сразу врезалось мне в сознание — с таким уважением и чувством было произнесено.

При мне и даже с моим пассивным участием зашел в 1987 году разговор между двумя видными академическими демократами. Один из них, известный историк психологии М. Г. Ярошевский, выражал опасение — перестройка, мол, встречает глухое сопротивление, появляются люди, которые могут дать этому сопротивлению форму, язык. И он сказал с глубокой, необычной для него тревогой: «Вот и Кожин очень опасно выступил». Я не знал тогда, кто такой этот Кожин, в чем суть его выступления, но сама тревога М. Г. Ярошевского и то понимание, какое она встретила у его посвященного собеседника, дали мне прилив силы. Я как будто на скользком склоне нащупал ногой твердое место.

Не знаю, как проходил в душе Вадима Валериановича выбор его позиции в открывшемся тогда противостоянии, но он сразу вышел на главный участок фронта, на острие конфликта. Мало об этом говорят, суть признается глухо, но главная война XX века — столкновение разума с иррациональной силой. Столкновение это сложное и принимает причудливые формы.

Иногда это прямая и видимая атака темных инстинктов на Просвещение — так, как оно было воспринято и преломилось в нашей культуре. Но чаще всего темные инстинкты украшают прекрасными словами и выступают против разума и истины под знаменем сердца и чувства. Они легко собирают под это знамя людей, угнетенных холодной ньютоновской картиной мироздания.

С другой стороны, и под знаменем Просвещения часто собирается столь же темный иррационализм, хотя и другого рода. Здесь разум уступает место уму, интеллекту. Рациональность этого холодного интеллекта на деле есть цинизм, а идеалы Просвещения вывертываются в неоязычество и фундаментализм либерального индивидуума.

В. В. Кожин не уклонился от этой драки, в которой трудно отличить лицо от личины. Не уклонился, не боялся отступить — потому, что тут и варился смертельный для нас яд, тут надо было воевать с отравите-

лями и спасать отравленных. И он был лучше других подготовлен для этой борьбы. Оказалось, что к этому времени он очистил, перекристаллизовал свои критерии, отточил интуицию. Да и возраст уже позволял ему не суетиться, не подлаживаться к силе господствующего мнения и не оправдываться за действительные или мнимые ошибки.

Это было счастливым для нас совпадение всех обстоятельств. В критический момент оказался в нашей культуре человек, определенно вставший на сторону истины и идеалов православного Просвещения. Человек, отвергший соблазны любого фундаментализма, соединивший строгую логику со здравым смыслом — и в то же время не утративший ни русского духа, ни русского космического чувства.

В. В. Кожин сделал очень много. Мы пока не видим этого во всем его реальном значении только вследствие линейности и механистичности нашего мышления, сформированного европейским образованием. Огонь, зажженный В. В. Кожинным, горит пока подспудно, он еще не вышел наружу, но пошел вширь, и его уже не загасить. В. В. Кожин позвал нас приступить вслед за ним к демистификации простых и привычных формул, скрывающих истину. Он поставил простые вопросы, и вдруг сложилась мозаика рассыпанных идеологий исторических фактов.

Это было подобно чуду. Как мы могли увидеть, без В. В. Кожина, что в отношении исторической траектории и культурного генотипа России либералы-кадеты и социалисты-меньшевики были несравненно революционнее, чем большевики? Как мы могли понять, что в Гражданской войне («войне Февраля с Октябрем») красные выступили именно как консерваторы, реставраторы России? Ведь мы знали те же факты, но были беспомощны против идеологической мистификации.

В той работе, что проделал В. В. Кожин, очень труден первый шаг — утрата простых формул создает хаос, но этот хаос может стать творческим. Та истина, которая за ним открывается, сложна, но она восстанавливает порядок целостного мировоззрения. И главное, она создает порядок целостного видения нашей собственной истории. В. В. Кожин не только сделал первые шаги, но и дал нам если не компас, то хотя бы посох — чтобы нащупывать дорогу. Он проделал для нас проходы, и тот, у кого хватит смелости, может уже покинуть норы, где мы грызли мелкие злаки стереотипов. Не все торопятся, но поток набирает силу.

В. В. Кожин — человек истинно научного мышления. Такие нечасто встречаются даже в науке, а уж в гуманитарной сфере их наперечет. А В. В. Кожин, на мой взгляд, воплощает почти уникальное согласие и взаимодействие научного метода с сильным гуманитарным и художественным чувством. Даже удивительно, что такое оказалось возможным. Думаю, нынешняя беда заставила.

Ученый, взяв обыденную, невзначайную вещь, вскрывает заключенную в ней тайну природы. На заре Научной революции один философ сказал: «Я раскрою Божественный замысел мироздания, анатомирую вошь». В. В. Кожин берет книгу какого-нибудь Льва Разгона и анатомирует ее — и каждый здравомыслящий человек видит, какой ничтожной чешуей ухитряются скрыть от нас правду нашей же истории. Нам становится стыдно, и назавтра мы уже сами можем анатомировать подобных насекомых. Без гнева и пристрастия.

Эти методические уроки В. В. Ко-

жинова дорогого стоят. Они, несмотря на их простоту и доступность для любого честного человека, вовсе не тривиальны. За ними — многократная перегонка материала и привлечение того художественного чувства, чувства меры и гармонии, которым обладает только мастер. Но, будучи выработанным, метод становится доступен людям. Один обучает другого, третий добавит крупицу своего творчества. Каноны заданы В. В. Кожинным. Простота объекта и охлаждение эмоций — для начала анатомируй вошь! Скупость средств и устранение идиологов, фантастических существ — к чему искать происки сатаны, когда тебя облепили обычные вши! И строгая, честная мера — гири, неподвластные твоим страстям и склонностям.

Если бы Вадим Валерианович показал нам все это в начале 80-х годов! Но тогда и он, думаю, не знал, что это понадобится. Все мы не заметили, как нашим сознанием овладели идола, а разгони и солженицыны подменили наши гири.

Сегодня наше положение было бы гораздо тяжелее, если бы фальсификаторы гири и весов орудовали в отсутствие В. В. Кожина. На многих он действовал, как охлаждающий стержень на выходящий за рамки реактор. В. В. Кожин целых пятнадцать лет служил «полицией нравов» для большей части нашей литературной элиты. При нем было стыдно переходить предел допустимой подлости. Все равно, конечно, этот предел у наших гуманитарных интеллектуалов оказался весьма растяжимым, но все же в «беспредел» под молчаливым взглядом такого «полицейского» пустилось гораздо меньше, чем могло бы. На той кухне, где инженеры человеческих душ готовили варево перестройки, В. В. Кожин умел расставлять сигнализаторы не только разума, но и совести. Кто знает, сколько оставили или придержали их звончки.

В полной мере освоить созданные В. В. Кожинным заделы и навыки сможет, конечно, молодое поколение. Оно слишком потрясено. Как ни странно покажется, но В. В. Кожин сохранил научную беспристрастность и спокойствие, при всем его темпераменте, позволяла глубокая вера — опора, почти никому из людей научного склада не доступная. Он верил, что Россия не может погибнуть, и потому не торопился, искал совершенства в своих опытах. Он мыслит столетиями. А к поражениям и утратам нынешнего времени относился с той «отрешенностью», без которой нет науки. Он понял важный урок, который изложил в истории о черносотенцах: именно осознание неизбежности своего поражения, мыслители-консерваторы отрешились от конъюнктурного интереса и смогли увидеть фундаментальные вещи.

Урок этот имеет общий смысл. Конечно, надо бороться за каждый рубль, за каждую пядь земли, надо изматывать противника и отступление. Но кто-то должен строить следующую рубку — на котором враг будет остановлен и с которого начнется наступление и избавление. Важнейшие камни в основание этого рубежа заложил В. В. Кожин. Туда подтянулись молодые, работа идет. Должны успеть.

И вот тогда-то, когда будет пройдена критическая точка и появятся время и силы для подлинного осмысления, В. В. Кожин вспомнят с полной мерой благодарности.

Дмитрий ЛЫСКОВ

Перманентная революция и мировая революция

Залог победы Ленин видел в союзе пролетариата и крестьянства: «Силой, способной одержать «решительную победу над царизмом», может быть только народ, то есть пролетариат и крестьянство... «Решительная победа революции над царизмом» есть революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Самому крестьянству в революции отводилась едва ли не центральная роль: «Кто действительно понимает роль крестьянства в победоносной русской революции, — писал Ленин, — тот не способен был бы говорить, что размах революции ослабеет, когда буржуазия отшатнется. Ибо на самом деле только тогда начнется настоящий размах русской революции, только тогда это будет действительно наибольший революционный размах, возможный в эпоху буржуазно-демократического переворота, когда буржуазия отшатнется и активным революционером выступит масса крестьянства наряду с пролетариатом».

Причем Ленин прекрасно отдавал себе отчет, что все это должно будет «наложить на революцию пролетарский отпечаток». Но это не было отказом от марксистской идеи поступательной смены формаций. Это не означало «отмену» буржуазной революции. Это означало нечто гораздо большее — предельное сокращение временного интервала между сменами формаций, перетекание революции буржуазной в революцию социалистическую. То есть перманентную (непрерывную) революцию.

Суть идеи проста: пролетариат в союзе с крестьянством совершает буржуазную революцию и, оказавшись у власти, завершает ее через установление «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Но это дает ему возможность перехода к новому этапу — к установлению диктатуры пролетариата. То есть к социалистической революции.

Вот как это выражено в работе Ленина 1905 года: «Пролетариат должен провести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Пролетариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии».

В другой работе Ленин выразил свою мысль более конкретно: «...От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути».

Впоследствии ленинская доктрина получит название «Теории перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую». Практически одновременно с Лениным аналогичную теорию выдвинул Троцкий — социал-демократ, балансирующий между большевиками и меньшевиками, принимающий сторону то одних, то других, но сам остающийся «вне фракций». Эта теория получит позже название «Перма-

нентная революция».

Вот ее основные положения, сформулированные самим Троцким в одноименной книге 1929 года. Они приводятся в значительном сокращении в силу того, что книга была написана в полемике более позднего периода, на фоне революции в Китае, и содержит много не относящихся к нашей теме выпадов против уже сталинской трактовки вопроса.

«В отношении стран с запоздалым буржуазным развитием... теория перманентной революции означает, что полное и действительное разрешение их демократических... задач мыслимо лишь через диктатуру пролетариата, как вождя угнетенной нации, прежде всего, ее крестьянских масс».

«... Без союза пролетариата с крестьянством задачи демократической революции не могут быть не только разрешены, но даже серьезно поставлены. Союз этих двух классов осуществим, однако, не иначе, как в непримиримой борьбе против влияния национально-либеральной буржуазии».

«Каковы бы ни были первые эпизодические этапы революции в отдельных странах, осуществление революционного союза пролетариата и крестьянства мыслимо только под политическим руководством пролетарского авангарда, организованного в коммунистическую партию. Это значит, в свою очередь, что победа демократической революции мыслима лишь через диктатуру пролетариата, опирающегося на союз с крестьянством и разрешающего в первую голову задачи демократической революции».

Разница в доктринах Ленина и Троцкого касалась ряда существенных, но не принципиальных вопросов. Прежде всего, Троцкий расширял свою теорию на все страны, в то время, как Ленин уходил от обобщений, говоря об особом пути развития именно России. Следом, Троцкий стремился конкретизировать политическую составляющую союза пролетариата и крестьянства. Он пытался добиться ответа на вопрос о том, в союзе каких именно партий будет выражено это объединение, как оно будет представлено в органах власти. И способно ли вообще крестьянство создать собственную партию:

«Демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, в качестве режима, отличного по своему классовому содержанию от диктатуры пролетариата, была бы осуществима лишь в том случае, если бы осуществима была самостоятельная революционная партия, выражающая интересы крестьянской и вообще мелко-буржуазной демократии, — партия, способная, при том или другом содействии пролетариата, овладеть властью и определять ее революционную программу. Как свидетельствует опыт всей новой истории, и особенно опыт России за последнюю четверть века, непреодолимым препятствием на пути создания крестьянской партии является экономическая и политическая несамостоятельность мелкой буржуазии и ее глубокая внутренняя дифференциация, в силу которой верхние слои мелкой буржуазии (крестьянства), во всех решительных случаях, особенно в войне и революции, идут с крупной буржуазией, а низы — с пролетариатом, вынуждая тем самым промежуточный слой делать выбор

между крайними полюсами».

«Формула Ленина, — писал Троцкий, — не предрешала заранее, каковы окажутся политические взаимоотношения пролетариата и крестьянства внутри революционного блока. Иными словами, формула сознательно допускала известную алгебраичность, которая должна была уступить место более точным арифметическим величинам в процессе исторического опыта. Этот последний показал, однако, притом в условиях, исключаящих какие бы то ни было лже-толкования, что, как бы велика ни была революционная роль крестьянства, она не может быть самостоятельной, ни, тем более, руководящей. Крестьянин идет либо за рабочим, либо за буржуа. Это значит, что «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства» мыслима только как диктатура пролетариата, ведущего за собою крестьянские массы».

В этом и заключалась «недооценка роли крестьянства» со стороны Троцкого, что неоднократно ставили ему в вину в сталинский период. В действительности разница заключалась в том, что Ленин умышленно оперировал емким, но лишенным конкретики понятием «народ», и это была не «алгебраическая формула», как полагал Троцкий, и она вовсе не нуждалась в «наполнении более точными» величинами. Как раз попытка разобрать ее с классовой и политической точки зрения («наполнить точными величинами») фактически привела Троцкого к выводу о невозможности равноценного союза пролетариата и крестьянства. То есть возвращала его назад к концепции меньшевиков — при сохранении внешней схожести с большевистским подходом. Ленину же требовалась опора на массу, на народ, и если классовая теория эту массу разделяла, показывая невозможность союза, то Ленин готов был поступиться классовым подходом.

Наконец, теория перманентной революции провозглашала: «Диктатура пролетариата, поднявшегося к власти, в качестве вождя демократической революции, неизбежно, и притом очень скоро, ставит перед ним задачи, связанные с глубокими вторжениями в права буржуазной собственности. Демократическая революция непосредственно перерастает в социалистическую, становясь тем самым перманентной революцией».

При этом и в концепции Ленина, и в концепции Троцкого необходимым условием осуществления социалистической революции в России объявлялась мировая социалисти-

ческая революция — только в этом случае прогрессивный пролетариат развитых стран сможет прийти на помощь своим менее развитым российским товарищам и оказать поддержку как в классовой борьбе, так и в строительстве социалистической жизни.

В последние 20 лет, с начала перестройки, эта концепция была серьезно искажена и доведена чуть ли не до утверждений о намерениях Троцкого и Ленина «сжечь Россию в костре мировой революции», сделать нашу страну плацдармом развития этого процесса, экспортировать революцию из России в остальной мир. Сами революционеры от таких трактовок своих идей, видимо, впади бы в ступор. Ведь проблема состояла именно в неразвитости российского пролетариата. Что он мог «экспортировать» своим «старшим» товарищам в капиталистических странах Европы? Напротив, ему оставалось лишь ждать, когда европейский пролетариат скинет свою буржуазию и придет на помощь молодому пролетарскому государству.

После Октябрьской революции много времени было потрачено в спорах о том, в какой форме такая помощь будет необходимой и достаточной. Ленин не конкретизировал этот вопрос, Троцкий настаивал на исключительной роли государственной поддержки — на помощь РСФСР должны были прийти западные страны уже после того, как победу в них одержит социалистическая революция, причем прийти на уровне государств и их социалистических правительств. Сталин доказывал, что такая помощь может быть оказана западным пролетариатом и в рамках буржуазного строя — путем давления на собственное правительство в пользу страны Советов (стачками, забастовочным движением, политическими акциями).

Отсюда вырастали разные концепции строительства Советской России. Сталинский социализм в отдельно взятой стране прямо вытекал из его «мягкой» трактовки мировой революции, но она входила в непримиримое противоречие с «государственной» концепцией Троцкого. В этом смысле перманентная революция Троцкого являлась антигезой построению социализма в отдельно взятой стране Сталина. Вновь идеологический спор повторял разногласия западников и славянофилов — должна ли Россия идти своим особым путем, или следовать за Западом в ожидании событий, которые определяют ее судьбу.

Продолжение следует...

О платной медицине или 70 к 1

Снова и снова, уже в который раз, сталкиваюсь с рассуждениями о преимуществе платной медицины над бесплатной. Хотя называть повторение мифов рассуждениями...

Будет ли доктор лечить лучше, если ему будут платить больше? Да нет же, он будет лечить так, как умеет — ставить диагноз, назначать лечение, оперировать. Из-за маленьких денег он может отказаться от профессии врача и выбрать другую область деятельности.

Но хуже лечить — это как? И в чём же суть различий платной и бесплатной медицины?

Начнём с того, что бесплатной медицины не бывает, кроме, разве что, самолечения. Просто бесплатной называют медицину в том случае, если она содержится за счёт бюджетных денег.

Так что если называть вещи своими именами, то медицину можно разделить даже не на два, а на три вида: кроме бюджетной, есть ещё страховая медицина, а также существуют напрямую оплачиваемые физическими лицами (то есть нами) медицинский услуги. И только последний вид медицины является платным в общепринятом смысле этого слова.

Стоп. Но ведь такая медицина была основной где-то в средние века. А потом все страны стали переходить от неё к бюджетной или страховой. Платная медицина — это когда врачу платят только больные за непосредственно своё лечение. И тут возникает двойная проблема: когда больных мало, доктор не нужен и может умереть с голоду, а когда эпидемия — имеющих (не

умерших с голоду) врачей однозначно не хватает. Вот потому повсеместно и отошли от этого вида медицины. Теперь платная медицина — удел косметических услуг, являющихся для врачей способом серьёзной подработки.

И, пожалуй, не надо подобную платную медицину называть «помощью». Платными по прежнему могут быть УСЛУГИ, а не ПОМОЩЬ. Не стоит подменять понятия.

И вот капиталистический мир стал от платной медицины постепенно переходить к страховой, а с уклоном в социализм — к бюджетной. Разумеется, имели место и всякие смешанные схемы.

Откуда получает деньги врач в страховой медицине? Он получает зарплату за работу в своей больнице, которая получает средства на лечение от страховых компаний, которые собирают деньги со своих клиентов (физических и юридических лиц) и распределяют их в соответствии с установленными правилами между лечебными заведениями.

Откуда получает деньги врач в бюджетной медицине? Он получает зарплату за работу в своей больнице, которая получает деньги на лечение от государства, которое собирает налоги, акцизы и сборы, а также имеет прямые госдоходы.

А в чём же тогда разница? Да только в одном — между нашими деньгами и лечебным заведением в страховой медицине появляется посредник, желающий иметь свой гешефт. Это бизнес, ничего личного.

И во что выливается это разли-

чие? Ну, к примеру, в наплевательское отношение к подготовке новых специалистов и к профилактике болезней. Или к отказу в лечении беднейшим членам общества. Нет, не во всём лечении, а только в том, которое называется «дорогим». Без дорогой страховки вы не можете рассчитывать на бесплатную химиотерапию после онкологической операции.

Это как раз «бизнес, ничего личного». Страховые компании — это коммерческие структуры, созданные с целью ПОЛУЧЕНИЯ ПРИБЫЛИ, а не беспокойства о вашем здоровье. И если лечение больных начинается вместо прибыли убытки — пошли куда-то дальше эти больные. Поэтому отца моего знакомого через 3 недели после инсульта выгоняют из больницы. Ведь Зурабов издал соответствующее распоряжение под давлением страховых компаний. Поэтому другого моего знакомого врачи прячут в реанимации, чтобы иметь возможность долечить его после тяжелейшего двустороннего воспаления лёгких.

Но поклонник «платной медицины» воскликнет: «Как же так, ведь в США уровень медицины гораздо выше, чем России!» И поклоннику невдомёк, что медицина в США, и в РФ в основном является страховой с элементами бюджетной, а также имеет надстройку из платных услуг. И разница здесь не только в форме организации. Просто в США на медицину уходит 14-16% ВВП или \$2280 млрд., а в РФ — в районе 3% ВВП или \$33 млрд. И вы видите разницу в отношении 70 к 1,

а не разницу между платной и бесплатной медициной. Может, с платной медициной Чада сравним?

И анекдот напоследок:

Молодой врач, недавно окончивший университет, хвастается отцу — старому врачу: «Папа, я сразу вылечил своего первого пациента. Это тот джентльмен, которого ты лечил более десяти лет!»

«Я горжусь тобой, сынок. А благодаря деньгам этого джентльмена ты получил столь блестящее образование».

Этот анекдот — суровая правда жизни. В одной стоматологической клинике мне 4 раза лечили один и тот же зуб, что в итоге обошлось мне в \$200. Но зуб так и не залечили (зато сделали 3 рентгеновских снимка, каждый — за отдельную денежку). Пришлось обращаться не за услугами, а за помощью в другое место: зуб все-таки долечили, причём за один приход.

Ну и, конечно, нужно ясно осознавать, что путь от бюджетной медицины через страховую к платной — это путь в прошлое, к Средним векам. Это путь отказа государства от своих социальных обязательств и перекладывания на плечи граждан всех проблем, в том числе и тех, которые сами граждане в большинстве своём решить не способны.

Осталось, для достижения полного «совершенства», сделать ещё платную пожарную охрану и официально признать платность правоохранительных и судебных органов.

sha-julin.livejournal.com

Готовитесь к печати переиздание книги А.Н. Энгельгардта «12 писем из деревни»

Сергей Кара-Мурза о книге Энгельгардта «12 писем их деревни»:

«Сто лет назад в России произошла великая революция, которая во многих отношениях изменила мир. В самой России она еще не закончилась, и в конце 80-х годов прошлого века мы вновь вошли в полосу великих потрясений. Развал исторической России (в форме СССР) и последующий глубокий продолжительный кризис — эпизод русской революции на волне «отлива»».

Знание и понимание этих процессов — средство сокращения массовых страданий нашего народа и условие лучшего выбора пути и преодоления кризиса, и дальнейшего развития нашего государства, общества и культуры. Среди книг, которые дают нам такое знание и способствуют пониманию, особое место занимает книга А.Н. Энгельгардта «Письма из деревни (1872-1887)».

Эту книгу надо бы прочитать (а лучше — читать понемногу и думать) всем, кто старается разобраться в причинах тех или иных исторических выборов в XX веке, в смысле нынешних противостоятелей и противоречий в России, составить свое мнение о доктринах и планах ее реформирования.

Эту книгу читал (в сентябре-октябре 1882 г., незадолго до своей смерти) Карл Маркс. Читал, делая заметки на полях. Его интересовало основательное эмпирическое описание русской общины, которое противоречило представлениям об отсталости крестьянского хозяйства по сравнению с капиталистическим.

Эту книгу читал Ленин, еще веря, что «весь аграрный строй государства становится капиталистическим». Книга А.Н. Энгельгардта пока-

зывала, что это невозможно в принципе, а не из-за костности крестьянства. А.Н. Энгельгардт обращал внимание на очень важный факт: интеллигенция России, в общем, не имела представления о самых главных сторонах жизни и хозяйственного уклада крестьян. Это вело к непониманию того, что в тисках реальных ограничений крестьяне нашли наилучший способ хозяйства, причем такой, что не приводил их к одичанию и погружению в цивилизацию трупоб.

Согласно А.Н.Энгельгардту, крестьяне вели хозяйство гораздо лучше и рациональнее помещиков с их агрономами и удобрениями. Эта книга помогла русской интеллигенции, в том числе В.И. Ленину, понять, что русская революция имела иной характер, нежели предсказывал Маркс, исходя из знания о западном капитализме. Она поможет многое понять еще не одному поколению нашей интеллигенции.

А.Н. Энгельгардт — умнейший и очень добрый человек, замечательный мастер-литейщик, ученый-химик и агроном, ценящий и любящий физический труд и труженика. Он — истинный демократ и просветитель, уважающий ум, опыт и взгляды людей, которым он стремился передать научное знание. К его наблюдениям и рассуждениям надо прислушаться молодым людям, которые временно усомнились в ценности всех этих качеств.

И еще. А.Н. Энгельгардт — прекрасный автор и рассказчик, он будит в нас память о близких и дорогих нам образах русских людей всех сословий, о деревне и природе центральной России. Читать эту книгу — большая радость, душа отдыхает.»

Следите за информацией о выходе книги в газете или на сайте www.gazeta-to4ka.ru

Редакция осуществляет прямую редакторскую подписку на газету без посредников. Это позволяет начать подписку с любого номера газеты и получать текущий номер сразу после осуществления платежа за подписку, а также иметь двустороннюю связь с редакцией.

Для оформления полугодовой подписки на газету (12 номеров), нужно перечислить 200 рублей (для жителей Кировской области — 120 рублей) из любого отделения банка или почтовым переводом на счёт ООО «Точка Ру» ИНН/КПП 4345147509/434501001 р/с 40702810100130009232 в ОАО КБ «Хлынов» г. Киров к/с 30101810100000000711 БИК 043304711ОКПО 93248626. В графе «назначение платежа» нужно указать: «Подписка на газету «Точка Ру»», а также точный адрес получателя. Также можно скачать квитанцию со всеми заполненными реквизитами на сайте редакции orossii.ru.

Мы готовы к сотрудничеству с организациями и частными лицами в вопросах распространения газеты в любом регионе Российской Федерации. По всем вопросам, связанным с реализацией, рассылкой, доставкой, подпиской на газету, звоните по тел. редакции в Москве 8 926 559 5379, в Санкт-Петербурге 8 906 277 2338, в Кирове 8 922 903 3776.

Газета «Точка Ру»
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соб-

людением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26364 от 30 ноября

2006 года. Учредитель ООО «Точка Ру» Гл. редактор Шабунин Е.В. Адрес редакции 610002, Кировская обл., г. Киров, ул. Урицкого, д. 36/1 т. 8(922) 903-37-76

Цена свободная. Издаётся с марта 2007 года. выпуск № 10 (46) Печать офсетная. Объём 2 печатных листа. Тираж 2000

Заказ №239 Подписано к печати по графику 16.08.2010 в 08.00 по факту 16.08.2010 в 08.00 Отпечатано ООО «ФОР» г. Киров ул. Щорса, д. 64 тел. 503-660, 504-506

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых материалов.

Факт отправления статьи в редакцию считается добровольным согласием автора на публикацию статьи.

Информацию по подписке и распространению можно узнать на сайте www.gazeta-to4ka.ru, а также написать письмо на redaktor@orossii.ru